

На знаменитой римской площади Испании как раз напротив прославленной «испанской лестницы» есть большой книжный магазин, в котором всегда богатый выбор книг русских и советских авторов. На почетном месте здесь исстари стоят издания Николая Васильевича Гоголя, чье творчество и чья биография тесно связаны с этим городом.

Буквально в двух шагах от площади в кафе Греко, в правом дальнем углу, есть столик, напротив которого на стене прикреплен медальон с портретом Гоголя. Считается, что именно в этом углу и именно за этим столиком любил сидеть русский писатель.

Сохранился дом, в котором Гоголь жил с 1837 по 1843 год.

ме, — обращается он к другому адресату, — но это такое бездонное море, что не знаешь, откуда, с которого конца начать и о чем говорить. Я живу скоро три месяца, всякий день смотрю что-нибудь новое, — и все еще бездна остается смотреть. Только тут узнаешь, что такое искусство».

Гоголь, как свидетельствуют все современники, превосходно знал историю Италии, ее искусство и язык. В этом секрет глубокого проникновения писателя в местную жизнь и необыкновенной верности его римских зарисовок.

Казалось бы, впечатления от Рима, захватившие писателя, должны были заслонить, затуманить видение его далекой родины. Но именно в Риме Гоголем были созданы поразительные по своей убедительности и жизненной рельефности картины русского бытия, созданы пронзительный по силе поэтического чувства образ России — птицы-тройки.

Сам писатель источник вдохновения, нисходившего на него в Риме, видел в богатейшем культурно-историческом наследии Италии, будившем его воображение, волновавшем его душу, рождавшем новые идеи и образы, «ибо, писал он, — высоко возвышает искусство человека, придавая благородство и красоту чудную движениям души». А душа Гоголя ни на минуту не переставала быть русской. Бренное тело мое вне России, говорил он Жуковскому, но мои мысли, мое имя, мои труды принадлежат ей.

Литературоведам еще предстоит определить, в какой степени отразились Рим и Италия, античность и Возрождение, которые впитывал в себя Гоголь в Вечном городе, на страницах «Мертвых душ» и вообще в творчестве писателя. Никто не может поставить под сомнение, что «Мертвые души» — одно из самых русских по духу творений нашей национальной литературы. Но и в «Мертвых душах» при внимательном рассмотрении легко

обнаружить итальянские реалии, расцвеченные богатейшей фантазией писателя. Будь это каменный мост, о котором мечтал праздномыслящий Манилов, с лавками по обеим сторонам, «чтобы в них сидели купцы и продавали разные мелкие товары, нужные для крестьян», мост, в котором без труда можно узнать знаменитый флорентийский Понте Веккьо. Будь это навеянное античным Римом сравнение колоссального ствола березы, срезанного бурей в плюшкинском саду, с мраморной колонной, украшенной остроконечным изломом вместо капители. Будь это неожиданная ассоциация с прямой южной пальмой фигуры негнущейся супруги Собакевича Феодулии Ивановны...

И одновременно пребывание в Италии, наблюдения и размышления о тамошней

жизни позволили великому русскому писателю увидеть свою родину в новом свете, бичуя пороки ее общественного устройства, предугадать великую будущность ее народа...

Жил Гоголь в Риме весьма скромно, даже аскетически. Часто терпел нужду в деньгах. Комната его, по описанию П. Анненкова, была лишена каких бы то ни было украшений. Она имела два окна с решетчатыми ставнями, предохранявшими от слишком яркого света и зноя. Рядом с дверью стояла кровать, посредине большой круглый стол. У другой стены помещался узкий соломённый диван и книжный шкаф. У противоположной стены помещалось письменное бюро в рост Гоголя, имевшего обыкновение писать стоя. По бокам бюро — стулья с книгами, бельем, платьем. Каменный мозаичный пол звенел под ногами, и только у письменного бюро и у кровати разостланы были небольшие коврики...

Гоголь встал обыкновенно очень рано и тут же принимался за работу. На письменном бюро он постоянно держал графины с холодной водой и, диктуя, время от времени выпивал стакан воды, имевшей, по-видимому, лечебные свойства. После завтрака в кафе «Буон густо» и прогулки по Риму, которую Гоголь предпочитал совершать в одиночку, он возвращался домой для продолжения работы. Диктовал Гоголь, рассказывает Анненков, мерно, торжественно, с большим чувством. «Это было похоже, — вспоминает мемуарист, — на спокойное, правильно разлитое вдохновение, какое порождается обыкновенно глубоким созерцанием предмета. Николай Васильевич ждал терпеливо моего последнего слова и продолжал новый период тем же голосом, проникнутым сосредоточенным чувством и мыслию. Превосходный тон этой поэтической диктовки был так истинен в самом себе, что не мог быть ничем ослаблен или изменен...».

После окончания шестой главы «Мертвых душ» Анненков, глубоко тронутый художественным совершенством гоголевской прозы, заявил писателю: — Я считаю эту главу, Николай Васильевич, гениальной вещью!

Взволнованный писатель ответил едва слышным голосом:

— Поверьте, что и другие не хуже ее... Обедал Гоголь в трактире «Лепре» или «Фальконе», где собиралась разноязыч-

ная публика иностранных художников и туристов, а также и простой римский люд. За столом к писателю присоединялся Александр Иванов — римский старожил из числа русской художнической колонии, обитавший здесь с 1830 года, гравер Федор Иордан, другие русские живописцы. По вечерам та же компания собиралась в комнате Гоголя. Кто-нибудь из друзей захватывал по дороге плетеную бутылку белого орвезето, Иванов приносил в кармане жареные каштаны.

Вечера проходили непринужденно, особенно в первые годы, когда Гоголь часто бывал в ударе и с присущим ему артистическим талантом смешил всех веселыми анекдотами. Но нередко бывало и так, что писатель целиком уходил в себя и за вечер не произносил ни слова. Гравер Федор Иордан, пользовавшийся расположением Николая Васильевича за свой незлобивый и добродушный характер, но человек недалекий, бывал совершенно не в состоянии понять эти приступы задумчивости, нападавшие на их приятеля, и выговаривал Гоголю за это. «Мы ведь мастера, — с обезоруживающей откровенностью заявлял он, — потрудитесь целый день, идем к вам послушать что-нибудь веселое и назидательное, а вы молчите и желаете, чтобы мы вас занимали».

Впрочем, задетое самолюбие не помешало Иордану признать необычайную доброту писателя, который, хотя и подтрунивал над этим «питворе», называя его «Рафаэлем первого манера», всячески способствовал его известности. И не одного только Иордана. Благодаря его огромному знакомству, пишет гравер в своих воспоминаниях, Гоголь многим делал добро рекомендациями, благодаря которым художники получали новые заказы.

Наибольшая близость, переросшая потом в большую, сердечную дружбу, у Гоголя установилась с Александром Ивановым. Для живописца эта встреча с великим писателем имела огромное значение, поощрив и облегчив ему поиски высокого предназначения искусства. «Это человек необыкновенный, имеющий высокий ум и верный взгляд на искусство, — сообщал Иванов на родину. — Как поэт он проникает глубоко, чувства человеческие он изучил и наблюдал — словом, человек самый интереснейший, какой только может представляться для знакомства. Ко всему этому он имеет доброе сердце».

Иванова сближал с Гоголем и общий интерес к жизни, обычаям и нравам протых римлян, о чем говорят его блистательные жанровые акварели. Известно также, насколько живо и глубоко захватила со временем и самого Гоголя страсть к римскому фольклору, к римскому диалекту, созданной на нем литературе. Он был хорошо знаком с римским народным поэтом Дж. Белли, который жил, как и княгиня Волконская, в палаццо Поли, часами бродил по народным кварталам города, изучая нравы римлян, чтобы потом изобразить их с такой художественной убедительностью в наброске «Рим». Уже через год жизни в Риме Гоголь писал своей юной приятельнице и ученице Марии Балабиной: «Знаете, что я вам скажу теперь о римском народе? Я теперь занят желанием узнать его во глубине, весь его характер, слежу его во всем, читаю все народные произведения, где только он отразился, и скажу, что может быть, это первый народ в мире, который одарен до такой степени эстетическим чувством, невольным чувством почитать то, что понимается только пылком природою...».

Лучшие портреты писателя были созда-

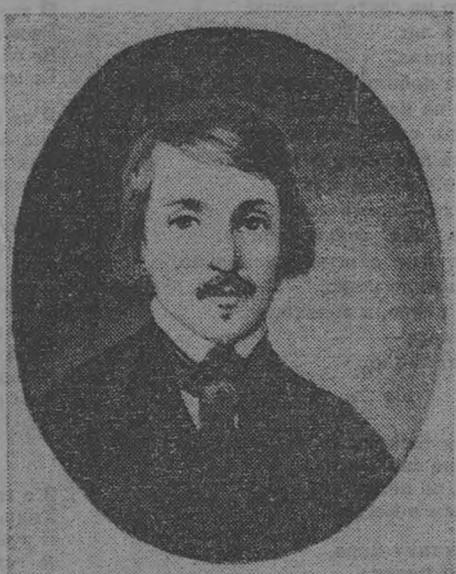
ны художниками, с которыми он познакомился и сдружился в Риме: Федором Моллером, Александром Ивановым, Федором Иорданом. Русскому живописцу, входившему в круг гоголевских приятелей по Риму, видимо, принадлежит и находящаяся в одном зарубежном собрании миниатюра писателя, написанная масляными красками на холсте. Гоголь изображен с длинными волосами, которые он, как известно, стал носить с 1840 года. На нем темный сюртук и белая рубашка. По своему типу этот портрет ближе всего к работам Александра Иванова, наиболее верно передающим облик писателя. Но лицо его дано в ином развороте, который встречается на портретах Ф. Моллера. Совпадает с одной из работ Моллера (вариант Ивановского областного музея) и прическа Гоголя на миниатюрном изображении с правым проборок, тогда как на всех остальных портретах писателя, созданных после 1840 года, пробор у него на левой стороне головы. Этим, собственно, исчерпывается общность миниатюры с работами Моллера. Перед нами, по-видимому, произведение какого-то другого русского художника, общавшегося с писателем в Риме и оставившего нам его неизвестный прижизненный портрет, написанный с натуры. Заметим, что до сего времени специалистами по иконографии Н. В. Гоголя было выявлено только две миниатюры с прижизненным изображением писателя. Одна из них до революции находилась в частном собрании в Баку и ныне утрачена. Бакинский портрет был написан маслом на картоне, и Гоголь на нем в другом костюме, нежели на вновь открытой работе. Не совпадает изображение писателя на зарубежном портрете и с миниатюрой на слоновой кости, которая в настоящее время хранится в ИРЛИ.

Предполагать о том, что зарубежная миниатюра была выполнена при жизни писателя, позволяет не только то, что она не повторяет ни один из известных и достоверных прижизненных портретов Гоголя, но и то обстоятельство, что за пределами России после смерти писателя оставались жить некоторые его друзья, архивы и художественные коллекции которых впоследствии рассеялись по зарубежным собраниям. В Италии — это была и З. А. Волконская, и юная приятельница Гоголя Мария Петровна Балабина, в замужестве Вагнер, которая дожила до преклонного возраста (она умерла в 1902 году), последние годы жизни провела в Риме и была, между прочим, одним из инициаторов установки памятной доски на доме по виа Систина. У них вполне могли храниться прижизненные изображения писателя, которым до сего времени не суждено было вернуться на родину. У З. А. Волконской, например, хранился приписываемый Ф. Бруни рисунок-карикатура, изображающий Н. В. Гоголя с внучкой княгини в ее салоне на вилле близ Сан Джованни ин Латерано.

Почти полтора века минуло с тех пор, как Николай Васильевич Гоголь бродил по улицам и переулкам Вечного города, черпая вдохновение для создания бесчисленных картин жизни наших двух народов. Но еще и сейчас, посетив гоголевские места в Вечном городе, невольно ловишь себя на мысли, что смотришь на Рим гоголевскими глазами, поражаешься необычайной верности облика исторического Рима, встающего со страниц его произведений, заражаешься симпатией к его людям. Это как бы дань благодарности великому русскому писателю Италии и ее народу, на земле которого ему было суждено испытать часы высокого творческого подъема, — дань благодарности, идущая через века.

ГОГОЛЬ В РИМЕ

Иван БОЧАРОВ, Юлия ГЛУШАКОВА

Римляне хорошо знают этот дом. Он стоит по правой стороне — если идти к площади Испании — виа Систина, рядом с одноименным римским театром. На здании мемориальная доска.

Гоголь приехал в Рим, пережив тяжкую душевную драму. Началась она с трагив в России после представления «Ревизора», в котором реакционная критика увидела покушение на основы самодержавия и крепостничества. Это ускорило отъезд Гоголя за границу, который в создавшейся обстановке был скорее похож на вынужденное бегство от преследований. За границей последовал второй удар. Пришла весть о смерти Пушкина, которого Гоголь любил беспредельно и считал высшим судьей своего творчества. «Моя утрата всех больше, — писал он М. П. Погодину. — Ты скорбишь как русский, как писатель, я... я и с тобой доли не могу выразить своей скорби. Моя жизнь, мое высшее наслаждение умерло с ним. ...Ничего не предпринимал, ничего не писал я без его совета. Все, что есть у меня хорошего, всем этим я обязан ему...».

Гоголь в Риме с огромнейшим душевным подъемом отдавался исполнению, по его собственному выражению, главного труда своей жизни — писал «Мертвые души». В завершении этой работы он видел как бы выполнение обета своему незабвенному другу, ибо сюжет «Мертвых душ» так же, как и «Ревизора», был подсказан ему Пушкиным.

Своим вдохновением Гоголь во многом был обязан Риму. Писатель действительно с первых же дней своего пребывания в Вечном городе всеми силами души привязался к его природе, архитектуре, памятникам, людям. Восторгами перед Римом полны все его письма. В них золотыми крупинками разбросаны удивительно точные образы города и зарисовки жизни его обитателей, которые еще и сейчас поражают схваченной в них праздной жизни. «Когда въехал в Рим, — рассказывает Гоголь в одном из первых писем, — я в первый раз не мог дать себе ясного отчета. Он показался маленьким. Но чем далее, он мне кажется большим и большим, строения огромнее, виды красивее, небо лучше, а картин, развалин и антиков смотреть на всю жизнь станет. Влюбляешься в Рим очень медленно, понемногу — и уж на всю жизнь». «Я бы хотел с тобою теперь поговорить о Ри-

тельности и жизненной рельефности картины русского бытия, создан пронзительный по силе поэтического чувства образ России — птицы-тройки.

Сам писатель источник вдохновения, нисходившего на него в Риме, видел в богатейшем культурно-историческом наследии Италии, будившем его воображение, волновавшем его душу, рождавшем новые идеи и образы, «ибо, писал он, — высоко возвышает искусство человека, придавая благородство и красоту чудную движениям души». А душа Гоголя ни на минуту не переставала быть русской. Бренное тело мое вне России, говорил он Жуковскому, но мои мысли, мое имя, мои труды принадлежат ей.

Литературоведам еще предстоит определить, в какой степени отразились Рим и Италия, античность и Возрождение, которые впитывал в себя Гоголь в Вечном городе, на страницах «Мертвых душ» и вообще в творчестве писателя. Никто не может поставить под сомнение, что «Мертвые души» — одно из самых русских по духу творений нашей национальной литературы. Но и в «Мертвых душах» при внимательном рассмотрении легко